

FRANCESCA REECE

Voyeur

Belles

TINDER
PRESS

Франческа Рис Наблюдатель

Роман

Перевод с английского

BELLES LETTRES

Москва, 2024

УДК 82-31
ББК 84(4/8)
Р49

В книге упоминаются социальные сети Instagram и/или Facebook, принадлежащие компании Meta Platforms Inc., деятельность которой по реализации соответствующих продуктов на территории Российской Федерации запрещена.

Переводчик АННА МАЛЫШЕВА
Редактор ГАЛИНА РАГУЗИНА

Рис Ф.

Р49 Наблюдатель : [роман] / Франческа Рис ; Пер. с англ. — М. : Альпина Паблишер, 2024. — 470 с.

ISBN 978-5-9614-8688-9

«Писатель ищет помощника» — такое объявление видит в газете Лия, молодая англичанка, сбежавшая в Париж от серых лондонских будней. Знаменитый писатель Майкл Янг поручает ей расшифровку своих дневников и приглашает провести лето на юге Франции вместе с его семьей. На морском побережье Лия со всей страстью молодости отдается веселью, новым знакомствам и наслаждается полной свободой. Но чем глубже она погружается в воспоминания бурной юности Янга, прошедшей в Сохо 1960-х годов, тем сильнее размываются для нее грани прошлого и настоящего, правды и обмана. Одна мысль не дает Лии покоя: почему Майкл Янг поручил работу именно ей? В своем провокационном романе Франческа Рис с поразительной смелостью исследует мужской и женский взгляды на природу желания и амбиций и то, как далеко люди готовы зайти ради них.

УДК 82-31
ББК 84(4/8)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу mylib@alpina.ru.

- © 2021 Francesca Reece
This edition is published by arrangement with
Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency
- © Издание на русском языке, перевод,
оформление.
ООО «Альпина Паблишер», 2024

ISBN 978-5-9614-8688-9 (рус.)
ISBN 978-1-4722-7221-8 (англ.)

Можно сказать все то же самое проще: мужчины действуют, а женщины выглядят. Мужчины смотрят на женщин. Женщины смотрят на то, как на них смотрят. Это в большинстве случаев определяет не только отношение мужчин к женщинам, но также и отношение женщин к самим себе. Наблюдатель внутри женщины — мужчина, а наблюдаемый — женщина. Таким образом, она превращает себя в объект, в объект видения — в зрелище.

Джон Бёрджер. *Искусство видеть*

Все мои портреты, написанные Пикассо, лживы. Это всё портреты Пикассо. Среди них нет ни одного портрета Доры Маар.

ДОРА МААР

Да, порой жизнь монотонна и банальна, как сейчас, когда я пишу эти строки, стараясь найти бреши во времени, чтоб сбежать через них.

Патрик Модiano. *Ночная трава*

Моей матери и Джесс

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Париж

С горечью осознавала она, что в свои двадцать с небольшим так и не сумела наладить размеренную жизнь.

МЮРИЭЛЬ РАКЕЙСЕР. Дикий берег

1

Лия

Мое знакомство с Майклом Янгом началось с заметки в FUSAC (эту ежемесячную газету с объявлениями знает — и презирует — едва ли не все англоязычное сообщество Парижа). Ее синий, патерналистски-самодовольный заголовок — символ безработицы, отсутствия крыши над головой, невезения и общей неустроенности. Бесконечная вереница крохотных квартирок, которые вам никогда не удастся снять, да три бессменные вакансии, так и сяк тасуемые верстальщиком: няня со знанием английского языка, официантка в кафе-ресторан и вездесущий «администратор, готовый стать частью веселой и безбашенной команды австралийского бара!». Стоило услышать «FUSAC» — как в голове тут же возникал образ настороженного домовладельца-экспата, готового немного сбросить цену, если вы увлечаетесь нетрадиционной медициной. Или младшего сына техасского бизнесмена, патлатого завсегдатая богемных тусовок, который приехал в Европу с мечтой о собственном журнале для поклонников творчества Джона Кассаветиса и теперь отчаянно ищет авторов (бесплатного) контента. Эта газетенка была динозавром доцифровой эпохи, из тех, на ком и выросла вся эта гиг-экономика.

Тогда же примерно у меня вошло в привычку подолгу бесцельно бродить по городу. Как на автопилоте, вновь и вновь возвращалась я в одни и те же места — туда, где уже бывала прежде, когда не чувствовала себя столь бесконечно бесполезной. Места эти созвездием рассыпались по Парижу, как пронзающие слои времени якоря, которыми я цеплялась за многочисленные вехи своей памяти. Они служили мне свидетельством того, что время — это не какое-то там линейно-кинетическое чудовище, в неудержимой гонке проносащееся мимо меня. После окончания университета прошло уже три года, и я металась из стороны в сторону, не зная, куда прибиться. Казалось, предел возможностей давно достигнут — словно моя многообещающая юность обернулась каким-то недоразумением, не более чем поводом для ложных надежд, ведь протекала-то она в провинции (а я, при всем отвращении к самой себе, была не лишена снобизма).

По понедельникам я выходила из дому в то самое время, когда все нормальные люди отправлялись на работу. Вместе мы спускались в лифте с последнего этажа. Как правило, это были мужчины в строгих костюмах и кашне, при дорогих портфелях, почти поголовно привлекательные — но неизменно подавленные и с мешками под глазами. Из динамиков доносились фрагменты произведений для струнного квартета (одни и те же три фрагмента по кругу, которые даже спустя годы то и дело всплывали у меня в голове, и я могла целый день мычать их себе под нос, не понимая, откуда они там взялись). Мы приветствовали друг друга кивком или полуулыбкой, а иногда я даже предпринимала вялую попытку завязать беседу («*Fait froid*

*aujourd'hui*¹ или *«J'ai toujours cet air dans ma tête!»*²), гадая про себя, что обо мне думает незнакомец. Может, решил, что я еще студентка, и его охватила тоска по беззаботной юности? А может, просто недоумевает, как эта жалкая особа оказалась в их респектабельном доме? Выходя из подъезда, мы коротко обменивались пожеланиями хорошего дня и немедленно удалялись каждый по своим делам, будто бы намеренно игнорируя один другого.

Улицы были переполнены такими же нормальными людьми. Я быстро проходила мимо них, словно у меня тоже был плотный график и внятный пункт назначения, преодолела спуск и подъем к станции Аббес, шагала по улице Мучеников, потом поворачивала восточнее, к 10-му округу, без всякого плана и замысла, повинувшись одному лишь неясному инстинкту двигаться вперед и вперед, к некоему началу координат — Сене, магнитом тянувшей меня к себе. В то утро я словно сомнамбула миновала мост Искусств и оказалась в Сен-Жермен-де-Пре. На бульваре ощутила уже знакомый укол ностальгии, который и был конечной целью моих прогулок. Здесь, напротив бутылочно-зеленого навеса *Les Deux Magots*, в пестрой толпе туристов, я вновь могла притвориться студенткой. Свободную от какой-либо ответственности, меня влекло вдоль улицы Сен-Пер, к кафе, где молодые люди в синих рубашках и красных брючках, обладатели роскошных кудрей и безупречных скул, вели беседы о Европейском союзе и стажировках в Нью-Йорке. Там я пристраивалась где-нибудь в сторонке, ссутулившись

¹ «Сегодня холодно» (фр.).

² «Эта мелодия никак не выходит из головы!» (фр.)

и поглубже засунув руки в карманы, — точно незваная гостья на чужой вечеринке.

В то хмурое утро все вокруг будто подернулось серой дымкой — и берега Сены, и величественное здание Института политических исследований, рассекающее улицу пополам. Единственным цветным пятном в помещении, не считая потускневшей неоновой полосы вдоль стен, была та самая казенная синева заголовка FUSAC, в сложенной у входа стопке газет. Взяв одну из них и усевшись в углу, я раскрыла ее на первой странице — *Annonces d'emploi*¹. Снова тягучая жвачка одних и тех же слов — «няня», «деловой английский», «администратор в хостел»... Но вдруг в глаза мне бросилось нечто необычное. В самом центре страницы заглавными, словно эсэмэска от бабушки, буквами значилось: «ПИСАТЕЛЮ ТРЕБУЕТСЯ ПОМОЩНИК».

— *Mademoiselle!*

— *Je prends un p'tit café, s'il vous plaît*², — машинально пробормотала я.

«ПИСАТЕЛЬ ИЩЕТ ПОМОЩНИКА ДЛЯ РАБОТЫ
С АРХИВОМ И ПОИСКА ИНФОРМАЦИИ
ДЛЯ НОВОГО РОМАНА.

*Просьба не беспокоить, если вы носите имя героя
шекспировской пьесы или персонажа греческой мифологии.*

ПАРИЖ И ЮГ. ЧАСТИЧНАЯ ЗАНЯТОСТЬ. МАЙКЛ.
01-14-24-60-86».

¹ Объявления о работе (фр.).

² Чашечку кофе, пожалуйста (фр.).

Я перечитала объявление раза четыре, пытаюсь справиться с волнением и отыскать хоть одну причину не звонить по указанному номеру. Что значит «Юг»? И вообще, когда вышел этот номер? Наверняка кто-то уже ухватился за такую возможность. Затем, как это обычно бывает, из текста на меня хлынули «добрые знамения»: 24 — мое счастливое число; в 86-м поженились мои родители; Майклом звали стоматолога, который когда-то ставил мне брекеты, — и с тех пор с зубами у меня полный порядок; да и вообще имя хорошее — даже на бумаге выглядит презентабельно. С другой стороны, зачем бы человеку с таким именем искать ассистента через газету для неудачников? Я робко, старательно обвела объявление в кружок (с наслаждением подумав: «Совсем как в старом фильме!») — и быстро сунула газету в сумку, чтобы отсутствие более решительных действий с моей стороны не так мозолило глаза.

*

— Дорогуша, понимаешь, я же такой уникальный! — заявил Ромен, и я кивнула в знак совершенно искреннего согласия. — Я такой открытый. Прямо как новая страница в блокноте — только и жду, чтобы мир набросал на ней свои идеи, чтобы я мог довести их до совершенства.

Он поиграл серебряной цепочкой на шее, отправил в рот ложку ярко-розовых гранатовых зернышек и с нажимом спросил:

— Понимаешь?

— Естественно, — живо отозвалась я (даже не догадываясь, о чем речь). Ромен поджал губы и положил свою холеную руку мне на колено. Под футболкой с глубоким V-образным вырезом напряглись мускулы.

— Вот почему ты для меня — *идеальная* учительница английского.

Я искоса глянула на упражнения, с таким трудом составленные накануне вечером, — и ощутила укол совести от того, как медленно продвигался под моим руководством процесс освоения им языка. Вот и теперь за целых два часа он выдал из себя по-английски лишь одну фразу — «Ариана Гранде сексуально танцует» да пару популярных словечек вроде *le marketing* и *un selfie*.

Ромен служил мне одним из трех источников заработка, не дававших пойти ко дну в тот странный период неопределенности. С этим известным в узких кругах гуру фитнеса я познакомилась, стоя как-то в пять утра в очереди в гардероб. Зрачки его красивых скучающих глаз были расширены до такой степени, что походили на два огромных черных озера.

— *T'as un accent*¹, — проговорил он, хватая меня за руки и растягивая губы в счастливой улыбке. Я — в таком же эйфорическом состоянии — просияла в ответ. До чего же *добры* люди и *чудесна* музыка и как *восхитительны на ощупь* его кожаные штаны!

— *Anglaise*², — выдохнула я, подергивая плечами в такт с пульсацией музыки и зажмурившись от восторга.

¹ У тебя акцент (фр.).

² Английский (фр.).

— *Mais c'est trop bien!*¹ — он вновь схватил меня за руки. — Я как раз ищу учителя по английскому! — он помолчал и пожевал губами. — Чувствую, мы с тобой родственные души.

В тот момент я чувствовала родственную душу в каждом из присутствовавших в зале, словно нас связывала незримая нить чистой энергии.

Тут он сунул мне в руку телефон — и светящиеся кнопки запрыгали и закружились у меня перед глазами. С третьей попытки мне кое-как удалось вбить свой номер — и этот момент стал для меня судьбоносным.

Встречи наши были хаотичными. Он то уговаривал меня на четырехчасовое занятие в Starbucks у станции Сен-Поль, то пропадал на несколько недель, а потом вдруг опять возникал из ниоткуда, забрасывая бесконечными сообщениями (иногда в три часа ночи) и настойчиво требуя, чтобы мы непременно повидались, потому что ему *непременно* нужно бегло заговорить по-английски, ведь от этого зависит вся его карьера. Чаше всего наши «уроки» кончались тем, что я переводила его переписку в Grindr, просматривала видеозаписи его тренировок в YouTube или выслушивала его бесвязные псевдодуховные излияния (одно из них вот-вот должно было начаться).

Помимо Ромена была еще подработка в модной кофейне и группа девочек лет двенадцати, у которых я вела курс «Английский по песням» (и благодаря которым досконально изучила творчество Джастина Бибера). Не то чтобы я была несчастна — отнюдь; вот только с каждым днем все отчетливее ощущала груз времени. Мне казалось, что его

¹ Да это же замечательно! (фр.)

остается все меньше, а сама я все сильнее отстаю от некоего графика.

Неудовлетворенность и беспокойство, судя по всему, вообще свойственны миллениалам. Большинство моих университетских друзей остались в Лондоне и уверенно взбирались по карьерной лестнице. Условно их можно было разделить на две группы: те, кого на время нескончаемых бесплатных стажировок содержали родители — и кто теперь нашел пресловутую «работу мечты»; и другие — кто постепенно растворился в Сити и чья жизнь все меньше и меньше походила на мою (вечеринки по пятницам в Сохо и Шордиче, безупречная одежда из COS и энергичная речь, пересыпанная аббревиатурами). Но даже самые завидные вакансии не вызывали у меня никаких эмоций — все эти разговоры о «кликбейте» и «установлении контактов с креативщиками». Хотя подозреваю, что равнодушие это граничило с некоторой завистью.

Я вернулась в Париж, где училась на третьем курсе, мотивируя это тем, что жилье там стоит дешевле, а работать придется меньше, чем в Лондоне, и у меня появится больше времени на «поиски себя» (или той области, к которой я проявлю хоть какую-то склонность). Но чем дальше, тем сильнее мне начинало казаться, что природа не одарила меня амбициями, и я почти смирилась с мыслью, что во мне нет ничего особенного.

Тогда я много думала о том, что мне следовало иначе распорядиться временем учебы в университете. Оглядываясь назад, я понимала, что первые два года пролетели в какой-то сладостной дымке. Я приехала из Камбрии, из крошечной деревеньки — грустного спутника медленно

умиравшего городка (тут и там — скелеты опустевших магазинчиков и автобусных остановок с выгоревшим на солнце, давно не действующим расписанием). Когда я в последний раз звонила маме, она рассказала, что там убрали даже банкомат.

Вряд ли такое происхождение могли счесть «гламурным» ребята из Оксфорда, Бристоля, Уимблдона или даже Новой Англии, умеющие поддержать беседу о русской классике, кимчи, законодательных нововведениях или сравнительных характеристиках авиакомпаний, выполняющих длительные перелеты. Родители у них работали на BBC или в неправительственных организациях, тогда как моя мама была учительницей начальных классов, а папа — трейлерщиком (высококвалифицированным работником, чья профессия с каждым днем теряла актуальность). «Дровосек» — придумала я чуть более романтичный и куда более понятный «перевод» для своих новых друзей. До сих пор помню, какую гордость испытывала в первые дни, рассказывая об этом однокурсникам, чьи родители занимались чем-то совершенно мне непонятным. Один юноша — сын социалистов из Далича — едва не выпрыгнул из своих роскошных шаровар, узнав, чем зарабатывает на хлеб мой отец. «Дровосек? — присвистнул он. — Ничего себе, вот это я понимаю, настоящая работа — возврат к истокам!»

Подростком я была чрезвычайно деятельной и амбициозной, но теперь даже те творческие увлечения, что служили мне утешением в затворнической юности (музыку и изящную словесность я считала фундаментом становления своей личности), подверглись сомнению и переоценке. На смену им пришли одержимость дневником, куда

я записывала все на свете, и запойное чтение в попытке угнаться за друзьями. К тому времени я еще не до конца оправилась от удара, нанесенного парнем, с которым я лишилась девственности (владевшим тремя языками и окончившим международную школу): мою тщательно подобранную фильмотеку он назвал «банальной»!

Потерять девственность для меня было все равно что сбросить старую кожу, заменив ее смиренной рубашкой. Само мое тело пугало меня — и лобковые волосы, и непривлекательные половые губы, но гораздо сильнее было отчаянное желание произвести впечатление на мальчиков, которые (как мне казалось) делали мне великую честь, согласившись переспать со мной. Мне так хотелось выглядеть в их глазах сексуально раскрепощенной и многоопытной, что в конечном счете все мои стремления свелись к единственной цели: сделать так, чтобы *ему* («он» в данном случае собирательный образ целой вереницы невероятно самоуверенных парней из среднего класса в мешковатых джемперах) было хорошо. Я воспринимала это как часть самообразования и, наверное, в каком-то смысле достигла поставленной задачи. Пожалуй, за эти два года меня всего лишь раз посетила мысль, что секс с партнером может произвести тот же эффект, которого я могла достичь самостоятельно. Однако осознание это имело привкус нечистоплотности и вины, поскольку пришло ко мне на скрипучем старом диване, с бывшим парнем подруги, в его сырой полуподвальной комнатенке на Чатсворт-роуд. Когда наутро он провожал меня до метро, от стыда за содеянное у меня подкашивались ноги. Больше всего хотелось вернуться домой и помыться.

В Париже все изменилось. Сбросив ярмо пусть и завуалированной, но оттого не менее коварной классовой системы (которую до поступления в университет я считала давно изжившей себя), я вновь обрела чувство собственного достоинства. В глазах парижан я была девушкой из Лондона, а не из никому не известного захолустья. Париж, поначалу представлявшийся музеем под открытым небом, пришелся мне на удивление впору: так же, как и я, он из всех сил сопротивлялся новым веяниям, цепляясь за прошлое. Я могла позволить себе не работать — благодаря полученной по программе Erasmus стипендии не пришлось устраиваться какой-нибудь официанткой — и писать исключительно в свое удовольствие.

В Париже я сделала свое главное (и, надо сказать, вполне предсказуемое) открытие: секс. Секс во Франции — особенно когда дни становились длиннее — был повсюду. Казалось, вся жизнь просачивалась через фильтр секса. Я узнала, что там считается абсолютно нормальным раздеть кого-то глазами прямо в метро или услышать от продавца в *papeterie*¹: «Какой нынче прекрасный весенний день — совсем как вы!» Французы были откровенны и при этом совершенно невозмутимы. Именно тогда я наконец поняла, что являюсь объектом сексуального влечения, решив использовать это как свое оружие.

¹ Магазины канцтоваров (фр.).

Пришла весна. Все уже высыпали на террасы, но еще кутались в пальто и гротескные шарфы. Над каналом пышно цвела глициния. Эмма затянулась сигаретой, которую мы раскурили на двоих.

— Так ты позвонишь? — спросила она.

Эмма была одной из моих более успешных подруг — если не самой успешной, поскольку даже полноценная взрослая жизнь (с кошкой и постоянным парнем) не помешала ей остаться нормальным человеком. Работала она на онлайн-платформе, посвященной искусству, и лишь каким-то чудом умудрялась не спровоцировать меня на убийство своими призывами «полюбоваться рассветом с крыши дворца эпохи Возрождения во время венецианской биеннале второго по значимости художника Пакистана». Пожалуй, она была самой стильной из всех, кого я знала, — невзирая даже на тот факт, что все ее тряпки выглядели так, будто их украли у восьмидесятилетнего затворника. По правую руку от меня сидел Алекс — он работал в магазине одежды, устроиться в который, не имея по всем правилам оформленного и раскрученного профиля в соцсетях, не стоило и мечтать. Я фыркнула (эту привычку я подхватила у французов), отмахиваясь от малейшего намека на ответственность и целеустремленность:

— Да не знаю. По-моему, это все бессмысленно, нет?

— И все же позвони. А вдруг там что-то крутое?

Сказать по правде, учитывая — как выразилась Эмма — «нарочитую расплывчатость» объявления, никто из нас доподлинно не знал, в чем заключалась работа. Даже слова

«архив и поиск», по сути, не несли в себе никакой смысловой нагрузки. Свое суждение мы вынесли, основываясь лишь на том, что предложение, вполне очевидно, относилось к туманной категории «сферы искусства» и для нашего замкнутого мирка выпускников художественных академий и прочих гуманитарных заведений было окутано неким флером притягательности и статусности. Все мы были молчаливыми участниками договора, велевшего нам обожествлять профессии креативных индустрий. А ведь Майкл (который, вполне возможно, вовсе отказался от фамилии — как Мадонна) мог вообще искать кого-то, кто поливал бы ему цветы, заваривал чай, а то и просто тешил его эго (и хорошо бы фигурально выражаясь, а не в буквальном, физическом смысле). Несомненно, если бы у меня появилась возможность представляться на вечеринках как *ассистент писателя*, мой социальный капитал (и наверняка еще и самооценка) взлетел бы до небес. Лишь позднее я осознала, что именно сакрализируя определенные виды труда, мы сами наделили видных деятелей искусства столь опасной властью.

— Честно говоря, когда читаешь это объявление, кажется, что автор — просто псих, — заметил Алекс, отвлекшись от телефона и положив его себе на колено. — Взять хотя бы этот пассаж про шекспировское имя — что за бред? — по мнению Алекса, большинство белых мужчин-натуралов были психами.

— Нет-нет, — возразила я. — Как раз этот момент меня больше всего зацепил. Может, он просто устал от всяких Крессид — с их долбаными неоплачиваемыми стажировками и домами где-нибудь в Стоквелле — и их засилья в сфере искусства...

Алекс скорчил гримасу, всем своим видом возражая против того, чтобы я пускалась в разглагольствования о социальной справедливости, — а мне в той же мере не хотелось, чтобы кто-то из друзей заподозрил, насколько я уже сроднилась с абсолютно незнакомым мне человеком. За минувшие сорок восемь часов я как только не представила себе нашу первую встречу — и лишь в двух вариантах развития событий присутствовали намеки на постепенно нарастающее обоюдное влечение.

— О боже, — взвыл Алекс, будто прочтя мои мысли, — если ты и в самом деле получишь это место, то обязательно переспишь с ним — а вдруг он окажется каким-нибудь самодовольным папиком-бумером...

— Наверняка Крессидой зовут его дочку, — вставила Эмма. Я изобразила негодование — впрочем, неубедительно даже для себя самой.

— И все же ты *должна* позвонить, — подытожил Алекс после минутной паузы. — В конце концов, он же будет тебе платить! Может, ты наконец вырвешься из своей кафешки?

Мы часто говорили о том, чтобы мне «вырваться из кафешки», будто о некоем чудесном спасении, которое произойдет как бы само собой, но волшебным образом преобразит всю мою жизнь, привнес в нее смысл и порядок: иными словами, работу и мужчину. Из-за этих разговоров я даже стала покупать лотерейные билеты в табачном киоске на углу.

— Знаю, знаю, — искренне отозвалась я. — Конечно же, я *позвоню*.

Тут подоспел и второй графинчик корбьерского. Я и после первого уже ощущала в ногах приятное онемение. Эмма передала мне остаток сигареты.

В пасхальное утро я никак не могла заставить себя выйти из дому. Проснулась поздно, с гудящей от похмелья головой. Это был один из тех тусклых, бесконечно тянущихся дней, когда я особенно отчетливо ощущала собственное одиночество. Включив радио, наткнулась на несколько сюрреалистическую программу о женщинах-знаменитостях, поддержавших Брекзит. Оказывается, еще в девяностых Джинджер Спайс совсем не лестно высказывалась о подлых брюссельских бюрократах. Я съела два вареных яйца, подумала о Боге и прочла половину французского бульварного романа о молодом литераторе, мечтающем о загадочной и молчаливой девушке с непростой судьбой. Наконец, в половине шестого, когда оставаться в четырех стенах было уже невыносимо, я решилась-таки выйти на улицу. В коридоре топтался толстый жабоподобный муж консьержки, в посеревшей от старости майке-алкоголичке. Я что-то пискнула в знак приветствия, и вид у него сделался такой, будто его оскорбляет сам факт моего существования.

— Пора бы уже прекратить оставлять обувь перед дверью, — буркнул он. — Даже в дождь.

*Monsieur et Madame la concierge*¹ всячески демонстрировали мне свое презрение, поскольку я жила в крохотной *chambre de bonne*² на самом верху и делила туалет со своим соседом Фаруком — весьма любезным, словоохотливым и почти

¹ Мсье и мадам консьержи (фр.).

² Комнатка в мансардном этаже (в прошлом — комната прислуги) (фр.).

всегда отсутствующим студентом, к которому консьержи относились с неменьшим пренебрежением.

Седьмой этаж был бельмом на глазу в этом вызывающе зажиточном *co-propriété*¹. Я знала, что зрителям дома ведомы светские условности, поскольку не раз видела, как неестественная, болезненная улыбка искажает их лица при встрече с обитателями шестого этажа. В наказание за оставленный во дворе велосипед мадам теперь прятала пришедшую на мое имя корреспонденцию. Была надежда, что уж сегодня-то, поддавшись религиозному рвению, чета консьержей непременно уйдет на целый день. Не повезло.

Оказавшись на улице, я быстрым шагом двинулась мимо по-воскресному переполненных террас и снующих взад и вперед детишек на самокатах. Слушая старое интервью с Моррисси по ВВС, вошла в высокие зеленые ворота кладбища. В ушах звучал его мягкий северный выговор: *«Не понимаю, почему люди ничего не делают со своей жизнью, хотя знают, что она не бесконечна»*. На миг меня охватило чувство вины. При этом в голове не укладывалось, как один и тот же человек мог написать столь проникновенные строки о нежности и доброте² — и призывать «сохранить Англию для англичан». Похоже, в очередной раз подтверждалось мое подозрение, что втайне все успешные люди — опасные извращенцы.

¹ Кондоминиум, совместное владение (фр.).

² Скорее всего, имеются в виду слова из песни I Know It's Over группы The Smiths: «It's so easy to laugh / It's so easy to hate / It takes strength to be gentle and kind» («Так просто смеяться, / Так просто ненавидеть, / Но для нежности и доброты нужна сила») (англ.).

Вокруг не было ни души. Кладбище Сен-Венсан — тугой клубок корней деревьев, тонких прутьев кованого железа и выгоревших на солнце срезанных головок гор-тензии да нагромождение элементов, не нашедших при-менения в некрополе, что раскинулся ниже, по дороге к площади Клиши. Сюда я приходила, когда ощущение неприкаянности становилось нестерпимым, — это место напоминало мне об одном из моих бывших. Пушистый серый кот бросил на меня беглый взгляд. Я читала имена, выгравированные на надгробиях («семья Кайботт», «семья Легран»). Землю под ногами устилали сосновые иглы — совсем как в детстве, во дворе дома моих бабушки с де-душкой. Все было густо-зеленого оттенка: и гладь пруда, и чернильные кляксы лишайника на могильных плитах, и мягкий свет, лившийся сквозь витражи церкви во время службы, куда меня водили ребенком. Я решила позво-нить Майклу.

Взгрозившись на барный стул в кафе L'Etoile de Montmartre, перебрала в голове возможные варианты раз-вития событий. Краткое «вакансия закрыта». Магнетиче-ское — даже сквозь телефонную трубку — притяжение (неуловимое ощущение, что в деле замешано божествен-ное провидение, подкрепляется парой хлестких, остроум-ных шуток). Тяжелое дыхание, пара нелепых фраз, будто цитаты из порнофильма, и осознание, что меня разыграли.

Некоторое время я сидела, уставившись на закручиваю-щуюся в бокале пурпурную жидкость и собираясь с духом. В конце концов — хотя бы ради того, чтобы отделаться от назойливых попыток сидящего рядом мужчины сред-него возраста завязать со мной беседу, — набрала номер.

В трубке послышались гудки, и спустя целую вечность — женский голос:

— *Allô?*

Не француженка.

— *Oui, allô, je vous appelle par rapport à l'annonce d'emploi. Pourrais-je parler avec Michael, s'il vous plaît?*¹

— *Ego нет,* — ответила она резко, по-английски. — *И, боюсь, вакансия уже занята.*

— А. — Разочарование вперемешку с трусливым облегчением волной прокатилось по всему телу и мягко улеглось на плечи. — Ну, ладно, все равно, большое вам спасибо.

— Да, до свидания, — раздраженно выдохнул бестелесный голос. Раздались короткие гудки. С секунду я прижимала трубку к уху, будто ждала, что мне перезвонят, — но телефон лишь молча и неподвижно лежал в ладони.

— *Donc vous êtes Américaine?*² — воспользовался своим шансом сидящий справа мужчина.

— Британка, — ответила я с милой улыбкой, затем допила остатки вина и высыпала горсть монет на барную стойку. — Чао!

*

Потерпев неудачу, я бесцельно бродила по кварталу до самой темноты и пыталась придумать, что же делать со своей жизнью. От одной мысли о работе в офисе меня

¹ Да, я звоню по объявлению о работе. Будьте любезны, могу ли я поговорить с Майклом? (*фр.*)

² Значит, вы американка? (*фр.*)

охватывал вполне понятный ужас; к тому же я давно поняла, что неспособна работать в стрессовых условиях. К двадцати четырем годам я до сих пор цепенела от чувства вины при одном воспоминании, как однажды в средней школе расстроила учителя. Еще я думала о подруге, работавшей в сфере финансового PR, которая как-то, сияя от восторга и гордости, объявила, что от нее зависит судьба целой компании. Я же находила, что порой отвечать даже только за собственную судьбу довольно утомительно.

Внезапно я замерла, обнаружив, что стою у дверей знакомого винного бара, — и тотчас поняла, что мне поможет. Толкнув дверь, я оказалась в битком набитой комнатке, больше похожей на чью-то кухню. Стены были выкрашены в желтый цвет, тут и там висели картины в стиле Дейроля, изображающие виноград разных сортов, домашнюю птицу и прочую живность со всех уголков Франции. В помещении царил интимный полумрак, а пол — насколько удавалось разглядеть — был вымощен терракотовой плиткой. Я протолкалась к барной стойке в дальнем конце зала, желая убедиться, что за ней действительно он. Едва уловимая искра промелькнула в лице Бенуа — узнал или только задумался о том, где мог меня видеть?

— *Mademoiselle*, — обратился он ко мне, беззастенчиво оценивая мой внешний вид. Я попросила бокал сомюрского и достала из сумочки книгу в мягкой обложке. Спустя пять минут он уже сидел рядом, с моей стороны барной стойки.

— Что читаешь? — спросил по-французски.

Я показала ему наполовину прочитанный роман Патрика Модiano. Бенуа хмыкнул.

— *Et alors?*¹

— Знаешь этого автора? — спросила я.

Он улыбнулся, выудил из-под стойки пыльную бутылку, наполнил бокалы — сначала мой, потом свой.

— Я сегодня не в состоянии говорить о книгах, детка, — отвечал он. — Слишком пьян.

В таком же состоянии он был в нашу первую и последнюю встречу — где-то год назад. Я тогда пришла в бар со своим бывшим — тем самым, о котором мне напоминало кладбище, — и Бенуа решил, что мы отвлечем его от «Дионисовой пытки» (именно так он и выразился).

Ему было за тридцать — высокий, тощий, харизматичный: достаточно, чтобы казаться гораздо привлекательнее, чем был на самом деле. Он был словно призраком будущего — того, что ждет и меня лет через десять. Работал в барах, а еще писал сценарии к фильмам — хотя за пять лет так и не дописал ни одного до конца. Я сказала, что учусь на факультете литературоведения. Сам он окончил магистратуру по философии — спросил, что я люблю читать. Это было своего рода проверкой умения поддерживать беседу, после чего он принялся регулярно подливать вина себе и мне — до тех пор, пока мы все трое изрядно не напились (я, как обычно, сильнее всех присутствующих). К счастью, был воскресный вечер, и, когда часы пробили десять, бар начал потихоньку пустеть. Разговор с литературы плавно переключился на секс и совершенные непристойности.

— Раз твой сосед так шумит во время секса, значит, умело использует свои пальчики, — заявил Бенуа, укладывая

¹ И как тебе? (*фр.*)